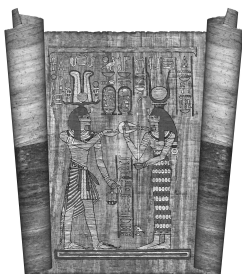

Загадка кричащей Мумии

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
С77

Старолесская М.

С77 Загадка кричащей мумии / М. Старолесская. — М. : Т8 Издательские технологии / Импринт VOLKODAV / RUGRAM, 2024. — 274 с.

ISBN 978-5-517-12503-3

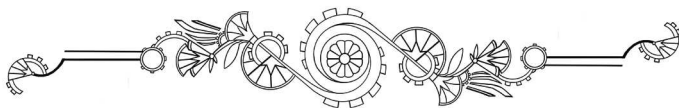
Дарья, младшая дочь «ситцевого короля» Саввы Глумова, с детства грезилась раскопками в Египте. И вот мечта сбылась: благодаря отцовским капиталам и помощи Географического общества она получила собственную концессию в далёком пустынном оазисе.

Что ждёт молодую и амбициозную девушку в мире забытых древностей? Слава великого археолога и разгадка тайн прошлого? Или гибель в борьбе с чёрными копателями, готовыми на всё, чтобы заполучить «кричащую мумию»?

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

© Старолесская Маша, 2024
© Адясова Маргарита, обложка
и форзацы, 2024
© Дурасова Алёна, Severa ART,
оформление, 2024
ISBN 978-5-517-12503-3 © Т8 Издательские технологии, 2024

ПРОЛОГ

Оазис в Ливийской пустыне, IV в. до н. э.

Ночью, когда изнурительная жара спала и в домах погасли последние огни, двое мужчин, один — рослый и крепкий, второй — тонконогий юнец, склоняясь под тяжестью самодельных носилок, вышли из ворот города. В свете убывающей луны серебрились льняные покрывала, в которые была завёрнута их ноша. Мужчины шли медленно, в полном молчании. Только песок тихо шуршал под их сандалиями.

Юнец про себя молился Исиде, рослый перебирал в памяти события минувшего дня.

Много недель их город полнился слухами. Войска фараона бились с захватчиками, но силы были неравны, а враг жесток. Из-под руки благочестивого Сенеджем-иб-Ра уходил город за городом, и в каждом чужаки оскверняли храмы и разграбляли сокровищницы. Говорили, что царь персов своей рукой заколол священного быка Аписа, а мясо его велел подать на пиру. Говорили, что наёмники из греков осквернили священные папирусы, а потом заставили жрецов платить за них непомерный выкуп. Многие слухи приносили с собой в заплечных

корзинах беженцы, устремившиеся на юг в поисках покоя.

А воины персидского царя гнались за ними по пятам через зелёные поля и выжженную пустыню.

Чужеземцы пришли на рассвете. Город был сдан без боя, и за это его жителям была обещана жизнь. Но оставаться без положенной добычи захватчики не желали. Воздух наполнился воплями, стенаниями и проклятиями. Чужеземцы волокли из домов всё, что им приглянется: резные сундуки, полные одежд и украшений, ткани, кувшины с пивом и вином... Доставали хлеб из печей и сворачивали шеи гусям. Юных девиц ловили и волокли на поругание.

В тот горький час кто-то и взмолился о пощаде и обещал отвести врагов в храм Амона, обещая несметные сокровища, лишь бы грабежи прекратились. Но чужеземцы лишь посмеялись над жалким предателем и древками копий погнали его к святилищу.

Жрецы успели укрыться за тяжёлыми воротами, и тогда жадные греки повелели срубить старую финиковую пальму, дарившую людям свою тень и свои плоды многие годы, и сделать из неё таран. Но едва топор первый раз коснулся ствола, едва сок и щепа брызнули в стороны, жрецы отступились и выпустили к чужеземцам переговорщика, молодого Аменхора, знавшего греческий.

Он же разорвал на груди одежды и молил их не трогать храм, и его реликвии, и священные свитки. Греки с насмешкой отвечали, что не тронут богов и их реликвии, но возьмут себе золото, что принад-

лежит людям, и потребовали открыть ворота. Аменхор с мольбой отвечал, что сокровища эти принадлежат не людям, а богам, и негоже людям разорять святыя места, если не боятся они божественного гнева. На эти слова греки осыпали его градом насмешек, и тогда переполнилось печалью сердце молодого жреца, и он плюнул в лицо предводителю наёмников и поклялся, что скорее умрёт, чем пропустит чужеземцев в храм.

Тот смахнул с лица слюну вместе с клятвой и ударил Аменхора в живот, так что молодой жрец не смог дышать, и другие воины принялись бить его ногами, а он лишь прикрывал голову руками и повторял молитву Амону.

Храмовые врата вновь замкнулись, и тяжёлый заков с грохотом встал на своё место, а жрецы из-за стен осыпали греков градом проклятий. И тогда захватчики задумали нечто кощунственное. Они призвали к себе предателя, обещавшего провести их к дому Амона, и велели ему объявить во всеуслышание, что посадят непокорного жреца на кол, а тело его отдадут на съедение шакалам и грифам. И сделают то же с каждым, кто осмелится перечить их воле.

Аменхора связали, и наёмники отправились на поиски подходящего кола, чтобы совершить казнь.

К храму Амона потянулись люди, и одни умоляли жрецов открыть врата, другие, преисполненные решимости, были готовы пасть, защищая святыни, третьи предлагали грекам всё, что у них осталось, лишь бы выкупить приговорённого, но те были непреклонны.

И вскоре окрестности огласились невыразимыми воплями молодого жреца. Много часов под палящим солнцем продолжалась жестокая пытка, и те, кто остался рядом, молили богов и чужеземцев о милосердии. Но смерть не приходила за Аменхором, и не было среди греков ни одного, кто поразил бы несчастного в сердце и окончил его страдания.

И тогда устрашённые жрецы сами открыли врата храма и впустили врагов в сокровищницу. А тело Аменхора на закате сняли с кола и, как было обещано, оставили без погребения...

И вот теперь под покровом ночи, как под защитой крыльев Нефтиды, Бата и Сенеб несли убитого брата к семейной гробнице. Ноша их была тяжела, но ещё тяжелее было на сердце. Страшный выбор оставили им чужеземцы: бросить тело без погребения, без надежды на суд богов, или сгинуть вместе с ним, если кто-то прознает про их замысел.

В городе мёртвых было спокойно. Только вой шакалов и шелест песка нарушали тишину. Худой юркий Сенеб первым протиснулся в дыру, которую они пробили в запечатанной двери семейной гробницы, там уже решился зажечь масляный светильник, слабый, почти не дававший света, и приготовился встречать спелёнутое тело. Хотя прошло много часов, оно всё ещё оставалось гибким и податливым, и втолкнуть его внутрь оказалось легко. Бата вполз в дыру следом.

В слабом свете были едва видны очертания искусно вырезанной мебели — последних даров умершим. Отсюда отправились в вечность отец и мать трёх бра-

тьев и их сестра, умершая родами, когда ей было всего пятнадцать. Их драгоценные гробы, украшенные росписями и заклинаниями, покоились совсем рядом, за опечатанными дверями погребальной камеры. Теперь здесь должен был упокоиться и Аменхор.

— Мы же не оставим его просто так? — спросил Сенеб.

Бата промолчал. Он уже приметил длинный ларь, в котором хранилась одежда, предназначенная его родным на полях Иару. Может быть, они простят сыновей за невольное святотатство, если он вышвырнет их туники и набедренники, чтобы исполнить последний долг перед старшим братом?

Когда одежды полетели на пол, Сенеб понял всё без слов и бросился помогать брату. Ларь опустел быстро, оставалась только поместить туда тело. Бата подхватил Аменхора за плечи, Сенеб — за ноги. Они действовали осторожно, будто он был ещё жив и страшно было потревожить его сон. Они положили тело на спину, постарались придать ему достойный вид, как вдруг Сенеб услышал тихий болезненный стон.

— Бата, Бата, послушай, он ещё жив!

Стон повторился.

— Ему надо помочь! Давай отнесём его домой.

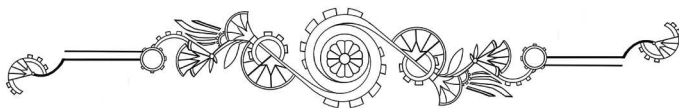
Бата промолчал. Почти ошупью он нашёл конец пелены, закрывавшей голову Аменхора, откинул ткань с лица и положил свою ладонь так, чтобы разом перекрыть ему нос и рот. Сенеб почувствовал, как по телу умирающего брата прошла лёгкая судорога, и всё закончилось.

— Мы не могли бы ему помочь, — треснувшим голосом сказал Бата. — А теперь давай соль и благоволия.

И они обсыпали тело натроном, молясь Анубису, чтобы он сохранил умершего для будущего суда богов, залили сверху благовонными маслами, что используют при бальзамировании, захлопнули крышку ларя и молча покинули гробницу.

ГЛАВА I

Лондон, 1934 год

Сэр Генри Карпентер встал из-за стола и прошёлся по кабинету, разминая усталые плечи. На вид этому подтянутому высокому мужчине можно было дать не больше сорока пяти лет, если бы не абсолютно седая, будто снегом осыпанная голова и привычка одеваться по моде времён короля Эдуарда. Покрой мужского платья менялся, но сэр Генри оставался верен идеалам своей юности и заказывал костюмы у одного и того же портного последние тридцать лет.

Но сегодня любимый жилет тянул плечи к земле, а галстук впивался в кадык. Он попробовал ослабить узел, стало немного легче дышать, но беспокойство никуда не уходило. Сэр Генри достал из нагрудного кармана небольшие часики, на вид дамские, с золотым скарабеем на корпусе. До визита Механикуса оставалось ещё десять минут.

Чтобы немного отвлечься, он подошёл к окну. Отсюда открывалась широкая панорама Темзы. По реке, громко тарахтя усталыми лопастями, тащил баржу с песком трудолюбивый пароходик. Таких давно не делали, его собратья давно окончили жизнь в доках, переродившись в новые паровые

котлы, винты и трубы, а этот старичок ещё держался на плаву, ещё нёс свою вахту.

«Как и я, — с тоской подумал сэра Генри, — как и я».

В последнее время он чувствовал себя мучительно старым, слабым, пусть коллеги и друзья и убеждали его, что пятьдесят шесть для учёного — ранняя молодость, а для египтолога и вовсе младенчество. Сэр Генри был готов поверить этим речам, если бы несколько дней назад секретарь, разбиравший визитки и письма, не передал ему письмо от Географического общества, где напыщенно и велеречиво сообщалось, что в связи с грядущим празднованием тридцатой годовщины открытия гробницы Амоннахта, что в Южном оазисе, его, сэра Генри, почтит своим присутствием Механикус, дабы запечатлеть великого первооткрывателя на фото и записать на восковые валики его голос. День и час визита мило-стиво позволяли выбрать самому.

Сэр Генри тогда продиктовал секретарю несколько строк вежливого ответа, благодаря за оказанную честь, скрепил письмо подписью и личной печатью и на многие часы погрузился в размышления.

«Тридцать лет, — думал он, потирая виски. — Неужели прошло уже тридцать лет?!» Обстоятельства экспедиции он помнил, будто всё закончилось только вчера. И пусть те раскопки не были самыми знаменитыми в его карьере, пусть имя сэра Генри было вписано на скрижали науки за другие заслуги и рыцарский титул он получил позднее, мысль, что именно там, в далёком Южном оазисе, он находился на вершине своей жизни, в полном расцвете сил,